

КЛАДБИЩЕ ЗАБЫТЫХ КНИГ

Настоящая книга относится к циклу романов, объединенных литературным пространством Кладбища забытых книг.

Входящие в этот цикл романы связаны между собой сквозными героями и сюжетными линиями, имеющими повествовательные и тематические точки пересечения, но каждый из них является самостоятельным и сюжетно завершенным произведением.

Эти книги можно читать в любом порядке или выборочно; читатель имеет возможность войти в лабиринт повествования через любую дверь и путешествовать по разным его галереям; тесно связанные между собой, все они приведут его к средоточию интриги.

В некоторых случаях облик места действия и хронология реальных событий были приведены мною в соответствие с логикой повествования — для того, например, чтобы Фермин смог полакомиться «Сугусом» за несколько лет до того, как конфеты поступили в продажу, а другие герои побывали под великолепными сводами Французского вокзала.

ТЕНЬ ВЕТРА

ИГРА АНГЕЛА

УЗНИК НЕБА

ЛАБИРИНТ ПРИЗРАКОВ

— Карлос Луис —

ГАДЖОНИ

◆◆◆
Лабиринт
призраков

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.134.2-312.4
ББК 84(4Исп)-44
С21

Серия «Кладбище забытых книг»

Carlos Ruiz Zafón
EL LABERINTO DE LOS ESPIRITUS

Перевод с испанского *Е. Антроповой*

Художник *А. Фerez*

Печатается с разрешения компании Corelliana, S.L.
и литературного агентства Antonia Kerrigan Literary Agency.

Сафон, Карлос Руис

С21 Лабиринт призраков : [роман] / Карлос Руис Сафон ;
[пер. с исп. Е. Антроповой]. — Москва : Издательство
АСТ, 2019. — 864 с. — (Кладбище забытых книг).

ISBN 978-5-17-106585-0

Последняя, завершающая книга культового цикла Карлоса Руиса Сафона «Кладбище забытых книг», в который входят романы «Тень ветра», «Игра ангела» и «Узник Неба».

Загадка переплетается с загадкой и уводит все дальше и дальше в лабиринт новых тайн и вопросов, извилистый, будто улочки старой Барселоны — города, где может случиться все что угодно.

Загадка исчезновения всемогущего и зловещего министра Маурисио Вальса...

Загадка далекого прошлого молодой сотрудницы секретной службы Алисии Грис, расследующей его исчезновение...

И, главное, загадка книг из серии «Лабиринт призраков», порожденных гениальным воображением их автора — мрачных и причудливых произведений, в которых прекрасная Барселона обретает черты inferнального королевства, управляемого темными безжалостными силами.

УДК 821.134.2-312.4
ББК 84(4Исп)-44

© Corelliana, S.L., 2016
© Перевод. Е. Антропова, 2018
© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

Книга Даниэля

1

Той ночью мне приснилось, будто я вернулся на Кладбище забытых книг. Мне вновь было десять лет. Я проснулся в своей детской спальне и внезапно понял, что лицо матери изгладилось из памяти. Следом, само собой, как это часто происходит во сне, пришло осознание, что я сам виноват в постигшем меня беспамятстве. Я не заслуживал помнить мать, потому что не сумел отомстить за нее.

Вскоре в детскую заглянул отец; он всполошился, услышав мои горестные рыдания. Я видел его во сне таким, каким он был прежде, — молодым и знавшим ответы на все экзистенциальные вопросы. Отец крепко обнял меня, пытаюсь успокоить. Позднее, когда первые лучи солнца осветили окутанную дымкой Барселону, мы вышли из дома. Отец, неизвестно почему, проводил меня только до крыльца. Там выпустил мою руку и дал понять, что дальнейший путь я обязан пройти самостоятельно.

Я побрел по улице, едва переставляя ноги. Одежда, ботинки и даже собственная кожа наливались невыносимой тяжестью. Каждый новый шаг давался с бóльшим трудом, чем предыдущий. Очутившись на Рамбла*, я заметил, что город на мгновение, длившееся бесконечно, сковала неподвижность. Пешеходы замерли на ходу, в оцепенении напоминая статичные фигуры на старых пожелтевших фотографиях. Застыл, взмывая к небу, голубь, и взмах его крыльев отпечатался в

* Знаменитый бульвар в Барселоне. Варианты названия: Ла Рамбла, Лас Рамблас. Бульвар, протянувшийся от площади Каталонии до памятника Колумбу, делится на пять сегментов, и каждый из них имеет свое название, благодаря чему бульвар иногда называют бульварами Рамбла.

эфире размытыми акварельными мазками. Пыльца недвижно парила в воздухе, создавая марево, пронизанное солнцем. Брызги воды из фонтана Каналетас сверкали в разреженном пространстве подобно ожерелью из хрустальных слез.

Исподволь, словно путь пролегал под водой, я двигался дальше, погружаясь в морок застрявшей во времени Барселонны, пока не добрался до портала Кладбища забытых книг. У порога остановился, совершенно обессиленный. Я не понимал природы невидимого бремени, почти парализовавшего меня, которое влачил из последних сил. Ухватившись за дверной молоток, я постучал, но мне не открыли. Я упорно колодил в массивную деревянную дверь кулаками. Хранитель не откликнулся на мои призывы. В изнеможении я упал на колени. И тогда, подумав о чарах, одолевавших меня с тех пор, как вышел на улицу, проникся уверенностью, что город, как и я сам, обречен. Мы навеки опутаны закланием, и мне не суждено вспомнить лица матери.

Я нашел его в тот миг, когда меня покинула последняя надежда. Металлический предмет притаился во внутреннем кармане школьного пиджака с моими инициалами, вышитыми синими нитками. Ключ. Я понятия не имел, как долго носил его с собой, не подозревая об этом. Ключ, покрытый ржавчиной, был тяжелым, словно гнет у меня на душе. С огромным трудом обеими руками я поднес ключ к замочной скважине. И едва не скончался от напряжения, пытаясь повернуть его. Я уже отчаялся справиться с замком, но вдруг он щелкнул, и дверь плавно отворилась внутрь.

В глубину древнего дворца вел извилистый коридор. Вдоль него тянулась вереница тускло горевших свечей, указывая путь. Едва окунувшись в полумрак, я услышал, как за спиной захлопнулась дверь. Я узнал галерею, обрамленную фресками с изображениями ангелов и других мифических существ. Они внимательно разглядывали меня из мглистых сумерек и, казалось, оживали, двигались, когда я проходил мимо. Миновав галерею, я приблизился к арочному проему, за которым открывался зал с высоким сводом, и остановился. Передо мной, как бескрайний мираж, возник устремленный ввысь лабиринт.

Спираль из лестниц, туннелей, мостиков и арок, сплетавшихся в необъятный город, сложенный из всех книг на свете, возносила к грандиозному стеклянному куполу.

У подножия массивного сооружения меня ждала мать. Она лежала в открытом саркофаге со скрещенными на груди руками, бледная, как белоснежный покров, облегавший неподвижное тело. Веки ее были смежены, губы сомкнуты. Мать покоилась безучастно, скованная мертвенным сном усопших. Протянув руку, я погладил ее по щеке и почувствовал, что кожа холодна, как мрамор. Внезапно мама открыла глаза, устремив на меня взгляд, затуманенный воспоминаниями. Отворив потемневшие уста, она заговорила, и голос ее прозвучал столь оглушительно, что обрушился на меня с силой товарного поезда, оторвал от пола и подбросил в воздух, отправив в свободное падение, длившееся бесконечно, пока эхо ее слов переплавляло пространство: «Ты должен рассказать правду, Даниэль».

Я резко пробудился в темноте семейной спальни, обливаясь холодным потом, и ощутил рядом теплое тело жены. Беа обняла меня и погладила по лицу.

— Что, опять? — прошептала она.

Я кивнул и глубоко вздохнул.

— Ты разговаривал. Во сне.

— Что я говорил?

— Я не разобрала, — солгала Беа.

Я посмотрел на нее, и она улыbnулась, как мне показалось, с сочувствием, а может, лишь с терпеливым снисхождением.

— Поспи еще немного. До звонка будильника целых полтора часа, а сегодня вторник.

По вторникам мне вменялось в обязанность водить Хулиана в школу. Я закрыл глаза и притворился спящим. Открыв их через пару минут, увидел лицо жены. Беа наблюдала за мной.

— Что случилось? — спросил я.

Она склонилась ко мне и нежно поцеловала. Ее губы имели привкус корицы.

— Мне тоже не спится, — пожаловалась жена.

Я принялся неторопливо раздевать ее. И в тот момент, когда я приготовился сорвать белье и бросить его на пол, за дверью спальни послышались легкие шаги. Беа остановила мою руку, норовившую пробраться между ее бедер, и приподнялась, опираясь на локти.

— В чем дело, дорогой?

У маленького Хулиана, смотревшего на нас с порога комнаты, вид был застенчивый и встревоженный.

— У меня в комнате кто-то есть, — шепотом сообщил он.

Беа со вздохом протянула к нему руки. Хулиан поспешил спрятаться в объятиях матери, а мне пришлось распроститься с грешными помыслами.

— Альый принц? — уточнила Беа.

Хулиан с сокрушенным видом кивнул.

— Папа немедленно пойдет в твою комнату, вытолкает его вон, и он не посмеет вернуться.

Сын послал мне отчаянный взгляд. Спрашивается, для чего еще нужны отцы, как не для совершения эпических подвигов? Я с улыбкой подмигнул мальчику.

— Воншей! — повторил я, состроив самую зверскую гримасу, какую удалось изобразить.

Хулиан робко улыбнулся. Я выпрыгнул из постели, пробежал по коридору и ворвался в спальню сынишки. Детская столь живо напомнила комнату несколькими этажами ниже, где я обитал в возрасте Хулиана, что меня охватило сомнение, что я действительно выпутался из недавнего сновидения. Я присел на краешек кровати и включил ночник. Хулиана окружали игрушки, в том числе и доставшиеся от меня по наследству. Но особенно много у него было книг. Я быстро отыскал неблагонадежное издание в укромном месте под матрасом. Взяв в руки томик в черной обложке, открыл титульный лист.

Лабиринт призраков VII

Ариадна и Альый принц

Автор текста и иллюстраций Виктор Маташ

Я уже просто не знал, куда и как прятать от Хулиана подобную литературу. Как бы я ни изощрялся в изобретательности, придумывая новые тайники, феноменальное чутье сына безошибочно приводило его в нужное место. Я бегло пролистал страницы романа, и на меня вновь нахлынули воспоминания.

На сей раз я отправил книгу в изгнание на кухонный буфет, точно зная, что сын рано или поздно обнаружит ее там. Вернувшись к себе в спальню, я нашел Хулиана в объятиях матери. Их сморил сон. Я постоял на пороге, под покровом темноты наблюдая за ними. Вслушиваясь в спокойное дыхание жены и сына, я задавался вопросом, за какие заслуги судьба награждает человека счастьем. Они спали в обнимку, крепко и безмятежно, а мне невольно вспомнился недостойный страх, отравивший душу, когда я увидел подобную сцену впервые.

2

Никогда и никому я не рассказывал эту неприглядную историю. В ту ночь родился мой сын Хулиан. Увидев на руках у матери благостно спавшего младенца, пребывавшего в счастливом неведении, в какой мир он пришел, я вдруг испугался. Мне захотелось бежать со всех ног на край света. Я ведь сам был лишь мальчишкой, которому взрослая жизнь казалась непостижимо сложной. Впрочем, сколько бы я ни придумывал себе оправданий, они мало помогли. До сих пор ощущаю горький привкус стыда за проявленную тогда трусость. И еще за то, что даже теперь, через много лет, не набрался мужества сознаться любимой женщине в этой слабости.

Воспоминания, похороненные в глубине души, со временем не тускнеют, навязчиво преследуя человека. Я отчетливо вижу, словно это было вчера, комнату с необъятным потолком. От затерявшейся в высоте лампочки струился подслеповатый красновато-желтый свет, озарявший очертания кровати, где с младенцем на руках лежала молоденькая де-

вушка, едва справившая семнадцатый день рождения. Когда Беа, в состоянии прострации, приподняла голову и улыбнулась, глаза мои наполнились слезами. Я опустился около кровати на колени и уткнулся лицом в лоно жены. Почувствовал, как Беа взяла меня за руку и сжала ее, собрав оставшиеся силы.

— Не бойся, — прошептала она.

Но меня охватил страх. На мгновение, из-за которого по сей день меня терзает жгучий стыд, захотелось стать кем-нибудь другим, выпрыгнув из собственной шкуры, и очутиться как можно дальше от комнаты с высоким потолком. Стоявший на пороге Фермин стал свидетелем моего малодушия. Наверное, со свойственной ему пронизательностью, он прочитал мои мысли раньше, чем они успели оформиться. Не дав мне времени открыть рот, он взял меня за локоть и, оставив Беа с малышом на попечении своей нареченной Бернады, быстро выпроводил в коридор — узкую и длинную галерею, конец которой терялся в темноте.

— Вы еще живы, Даниэль? — осведомился Фермин.

Я неуверенно кивнул, пытаюсь восстановить сбившееся дыхание. Но как только я собрался вернуться в комнату, Фермин остановил меня:

— Когда в следующий раз вы туда войдете, вам следует выглядеть жизнерадостнее. На ваше счастье, сеньора Беа еще не вполне пришла в себя и едва ли соображает, что происходит вокруг. Так вот, если угодно выслушать мое мнение, я считаю, что вам сейчас необходим глоток свежего воздуха, он укрепит нервную систему и позволит со второй попытки выступить на сцене с большей непринужденностью.

Не дожидаясь ответа, Фермин схватил меня за руку и потащил по коридору к лестнице, которая вела на балюстраду, парившую между небом и Барселоной. В лицо повеяло холодным воздухом, и я с жадностью хватал его ртом.

— Закройте глаза и сделайте три глубоких вдоха. Медленно, будто легкие заканчиваются у ботинок, — наставительно произнес Фермин. — Этому фокусу меня научил монах в заливе. Я свел с ним знакомство, когда работал портье и счетово-

дом в паршивом портовом бордельчике. Большого охальника свет не видывал...

Я трижды глубоко вдохнул, согласно совету, и еще три раза сверх предписания в надежде испытать целительное действие свежего воздуха, обещанное Фермином и его тибетским гуру. Почувствовал легкое головокружение и пошатнулся, но Фермин поддержал меня.

— Впадать в ступор тоже не следует. Встряхнитесь немного, ведь нынешние обстоятельства требуют спокойствия, а не апатии.

Я открыл глаза и увидел пустынные улицы и город, спавший у моих ног. Время близилось к трем часам ночи, и больница Сан-Пау была погружена в сумеречное оцепенение. Нарядные купола, башенки и арки ансамбля, сплетавшиеся в затейливые арабески, окутывала легкая дымка, стекавшая с холма Кармель. Я молча смотрел на бесстрастную Барселону, какой она видится только из больничных палат, равнодушную к страхам и надеждам страждущих, и позволил себе замерзнуть, пока не прояснилась голова.

— Наверное, вы сочтете меня трусом, — проговорил я.

Фермин внимательно взглянул на меня и пожал плечами:

— Не драматизируйте. Скорее я сказал бы, что вы угнетены и пребываете в сильном смятении, что по сути то же самое, однако избавляет от ответственности и осмеяния. К счастью, у меня есть хорошее лекарство.

Он расстегнул макинтош — бездонную пещеру чудес, превращавшуюся иной раз то в передвижную аптеку лекарственных трав, то в музей дикувинок или в хранилище артефактов и реликвий, раздобытых на бесчисленных базарчиках и небольших аукционах.

— Не понимаю, как вы ухитряетесь носить на себе полный ассортимент скобяной лавки, Фермин!

— Чистая физика. Если измерить тощую комплекцию вашего покорного слуги в мышечных волокнах и хрящевой ткани, то получается, что сей арсенал усиливает мое гравитационное поле и удерживает на приколе во время сильного ветра и прочих природных катаклизмов. Не воображайте, будто вам удастся

легко сбить меня с толку комментариями, которые совершенно не относятся к делу, поскольку мы поднялись сюда вовсе не для того, чтобы поболтать или заменить рекламный щит.

Сделав мне внушение, Фермин извлек из одного из своих многочисленных карманов жестяную флягу и принялся отвинчивать крышку. Понюхав содержимое, словно оно было божественным нектаром, одобрительно улыбнулся, протянул баклажку мне и, глядя проникновенно в лицо, поощрительно кивнул:

— Выпейте, или будете раскаиваться до конца своих дней.

Я неохотно принял фляжку:

— Что это? Пахнет динамитом.

— Нет. Там микстура, предназначенная, чтобы поднимать на ноги покойников и приводить в чувство молокососов, малодушно испугавшихся житейских трудностей. Универсальный коктейль моего собственного изобретения, изготовленный из анисового ликера «Анис дель моно» и других спиртовых настоек, взболтанных с крепчайшим бренди, который я купил в водочном ларьке у косоглазого цыгана, с добавлением нескольких капель вишневой наливки и ликеров Монсеррата, чтобы букет приобрел неповторимый аромат садов Каталонии.

— Боже мой!

— Вот тут-то и становится понятно, кто настоящий мужчина, а у кого кишка тонка. Пейте залпом, как легионер, заскочивший на свадебное пиршество.

Я подчинился и глотнул омерзительную бурду, имевшую вкус бензина с сахаром. Ликер обжег внутренности, но прежде чем я успел опомниться, Фермин жестом потребовал от меня повторения процедуры. Пренебрегая протестами и брожением в своем желудке, я принял вторую дозу, испытывая признательность за чувство покоя и оцепенения, которое мне подарил варварский напиток.

— Ну как? — поинтересовался Фермин. — Лучше ведь, правда? Это аперитив чемпионов.

Я убежденно кивнул, отдуваясь и расстегивая пуговицы на воротничке рубашки. Фермин воспользовался паузой, тоже

хлебнул убойного пойла и с достоинством убрал фляжку обратно в карман макинтоша.

— Только химия способна обуздать разгулявшееся воображение и нервы. Но я не стал бы злоупотреблять средством, поскольку ликер обладает одним неприятным свойством, подобно крысиному яду или благотворительности: чем больше его пьешь, тем меньше толку.

— Не беспокойтесь.

Он хвастливо показал на гаванские сигары, которые выглядывали из другого кармана макинтоша. Хитро подмигнув, мой друг покачал головой:

— Я приберег для сегодняшнего дня парочку сигар «Коиба», стянув их *in extremis** из сигарного ящика дона Густаво Барсело, который любезно взялся исполнять обязанности моего будущего тестя. Но, думаю, лучше мы отложим удовольствие до лучших времен, поскольку вы, как я вижу, совсем расклеились. Тем более нельзя допустить, чтобы малютка остался сиротой в день своей премьеры.

Фермин ласково похлопал меня по плечу и подождал, когда флюиды чудодейственного эликсира распространятся в крови и алкоголь, затуманив сознание, внушит ложное ощущение покоя и ослабит страх, владевший мной. Определив по остекленевшему взору и расширившимся зрачкам, что я достиг первой стадии опьянения, Фермин произнес речь. Он явно готовил ее весь вечер.

— Друг мой Даниэль, видит Бог — или кто там в его отсутствие отвечает за божественное провидение, — что стать отцом и сотворить новую жизнь намного проще, чем получить водительские права. Столь прискорбное недоразумение ведет к непомерному количеству идиотов, самонадеянных и безрассудных. Считая себя вправе производить потомство и шеголяя медалью за отцовство, они калечат жизнь несчастным созданиям, плодам своих чресл. Я знаю, о чем говорю, поскольку тоже тружусь в поте лица, чтобы сделать ребенка своей возлюбленной Бернарде так быстро, как позволят природа и освященный брак,

* В последний момент (лат.). — Здесь и далее примеч. пер.

которого она от меня требует *sine qua non**. И в этом отношении я могу скоро разделить с вами ношу великой ответственности, какую налагает отцовство. В настоящий момент вы испытываете недостаток веры в себя, усомнившись в своих силах справиться с ролью *paterfamilias*, однако я имею основания заявить и заявляю, что вы, Даниэль Семпере Хисперт, неоперившийся юнец, лишь ступивший на путь зрелости, станете примерным родителем, притом что вы пока неофит и малость неуклюжи.

Примерно на середине проповеди я впал в прострацию, оглушенный то ли взрывной волной от его адской смеси, то ли фейерверком красноречия моего верного друга.

— Фермин, я не уверен, что понял вашу мысль.

Он вздохнул:

— Я хотел объяснить, что в такие моменты трудно собраться и взять себя в руки. Произошли большие перемены, и они выбивают вас из колеи, Даниэль. Но, как правильно недавно заметила ваша супруга, эта святая женщина, не нужно бояться. Дети, во всяком случае ваш сын уж точно, рождаются с благословения небес. И если у человека в душе есть хотя бы капля порядочности и чести, а в голове немного серого вещества, он найдет способ не испортить отпрыскам жизнь и станет отцом, которого им не придется стыдиться.

Я покосился на тщедушного человечка, готового пожертвовать ради меня жизнью. У него всегда находились точные слова — или десять тысяч слов, — чтобы разрешить наболевшие вопросы и ободрить меня, когда порой я норовил впасть в экзистенциальное уныние.

— Если бы все было легко, как вы расписали, Фермин!

— Все важное в жизни достается с трудом, Даниэль. В юности я воображал, будто для плавания в большом мире достаточно научиться трем вещам. Во-первых, завязывать шнурки ботинок. Во-вторых, с должным прилежанием раздевать женщин. В третьих, читать, чтобы ежедневно смаковать страницы литературных шедевров, признанных образцом мудрости и мастерства. Мне казалось, что человек, который твердо стоит на ногах, умеет приласкать даму и освоил науку слышать музы-

* То, без чего невозможно; неперемное условие (*лат.*).

ку слов, живет дольше, а главное, счастливее. С годами я понял, что этого ничтожно мало. Но жизнь иногда дает шанс подняться на ступеньку выше того примитивного двуногого существа, которое ест, гадит и непродолжительное время коптит небо. И сегодня Провидение в своем бесконечном благодушии решило преподнести вам такой подарок.

Я нерешительно кивнул.

— А вдруг я не справлюсь?

— Даниэль, если в чем-то между нами и есть сходство, так это в том, что мы оба встретили женщин, которых не заслуживаем. Ясно, что на тернистом жизненном пути именно им предстоит тащить тяжелые седельные вьюки и покорять вершины в физическом и метафизическом смыслах, ну а нам остается только не подвести их. Согласны?

— Я бы с радостью поверил вам, отбросив сомнения, но не получается.

— Не беспокойтесь. Крепкая смесь, которой я вас напоил, повлияла на ваши способности, и без того невеликие, воспринимать с полуслова смысл моих рассуждений. Но, как хорошо известно, в дискуссиях подобного рода я дам вам сто очков вперед, и в целом мои аргументы почти безупречны.

— Не стану с вами спорить.

— И правильно сделаете, поскольку проиграете первый же раунд. Вы мне доверяете?

— Конечно, Фермин. Вы же знаете, с вами я готов идти хоть на край света.

— Тогда сделайте одолжение, поверьте в себя столь же твердо, как верю в вас я.

Я посмотрел ему в лицо и кивнул.

— Ну что, немного опомнились? — спросил он.

— Да.

— Тогда сотрите с лица кислую мину, убедитесь, что ваши тестикулы находятся в положенном месте, и вернитесь в палату, чтобы обнять сеньору Беа и наследника, благодаря которым вы теперь можете считать себя настоящим мужчиной. Так и ведите себя, как мужчина, в конце-то концов! Не сомневаюсь, что парнишка, с которым я имел честь познакомиться